

УДК 811.133.1

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-62-2-159-170

**О ПЕРЕВОДЕ ДЕЙКТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ИХ РОЛИ
В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА
(на примере перевода на русский язык стихотворения
La pioggia nel pineto Г. Д'Аннунцио)**

О. Б. Трубина

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Целью статьи является изучение роли дейксиса в переводческой интерпретации художественного текста. Объектом исследования являются дейктические единицы в тексте стихотворения Г. Д'Аннунцио *La pioggia nel pineto*. Проблема передачи семантики дейктических единиц актуальна, так как связана с интерпретацией таких единиц в художественном тексте. Перевод дейктических единиц является и практической, и теоретической задачей для переводчика; теоретическая связана в первую очередь с обращением к двум аспектам значения и референции в сфере личного, пространственного и временного дейксиса; практическая — с предложением конкретного переводческого решения. В статье представлен полный перевод стихотворения Г. Д'Аннунцио *La pioggia nel pineto*, сделанный автором статьи совместно с G. Velussi. При сравнительном анализе этого перевода и переводческих рецепций других авторов обращается внимание на то, как меняются референтные значения дейктических единиц в неканонической коммуникативной ситуации, в которой изменение референтного значения дейктиков не связано с меной коммуникативных ролей. В работе автор опирается на такие методы исследования, как описательный метод, метод контекстуального анализа и др.

Ключевые слова: дейксис; дейктические единицы; референция; перевод, Г. Д'Аннунцио; *La pioggia nel pineto*.

Цитирование: Трубина О. Б. О переводе дейктических единиц, их роли в интерпретации художественного текста (на примере перевода на русский язык стихотворения *La pioggia nel pineto* Г. Д'Аннунцио) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2023. Вып. 2 (62). С. 159–170.

DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2023-62-2-159-170.

**Translation of Deictic Units and Their Role in Interpreting Literary Texts
(Looking at Russian Translations of “*La pioggia nel pineto*” by G. D’Annunzio)**

Olga B. Trubina

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

The purpose of this article is to study the role of deixis in a translator’s interpretation of a literary text; more specifically, the study examines the deictic units in G. D’Annunzio’s poem “*La pioggia nel pineto*.” The problem of interpreting the semantics of deictic units is relevant since it is associated with the complex issue of interpreting such units in a literary text. The translation

of deictic units constitutes both a practical and theoretical challenge for the translator. The theoretical problem is primarily related to addressing two aspects of meaning and reference in the field of personal, spatial, and temporal deixis; the practical one concerns specific translation solutions. The article presents the author's full Russian translation of G. D'Annunzio's poem "La pioggia nel pineto" made in collaboration with G. Belussi. Using primarily the descriptive method and the method of contextual analysis, the author provides a comparative analysis of her translation with how other translators interpreted the poem, drawing attention to the way the reference values of deictic units change in non-canonical communication.

Key words: deixis; deictic units; reference; translation, G. D'Annunzio; "La pioggia nel pineto".

Citation: Trubina, Olga B. (2023) Translation of Deictic Units and Their Role in Interpreting Literary Texts (Looking at Russian Translations of "La pioggia nel pineto" by G. D'Annunzio). *LUNN Bulletin*, 2 (62), 159–170. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2023-62-2-159-170.

1. Введение

Дейктические единицы до сих пор вызывают интерес и российских, и зарубежных лингвистов. К. Бюлер, один из тех, кто заложил основы изучения дейксиса, понимал его как некое указательное поле человека, структурированное через пространственно-временную систему координат, которую выстроил субъект восприятия (Бюлер 1993: 9).

К изучению дейктических единиц обращались в своих работах и Ч. Филлмор, и Дж. Лайонз. (Fillmore 1975; Лайонз 1978). Основы классического подхода к изучению дейксиса в русских лингвистических школах сформировались в исследованиях И. А. Стернина, Ю. Д. Апресяна, А. Д. Шмелева, Е. В. Падучевой и др. (Стернин 1973; Апресян 1986; Шмелев 1995; Падучева 2018).

Однако в настоящее время существует множество точек зрения на основные характеристики дейксиса. Во многих работах, посвященных дейксису, под ним прежде всего понимался местоименный дейксис (Кирвалдзе 1991; Устин 1995; Дымарский 2007). При этом бесспорными характеристиками дейктических единиц признавались: указание на лицо, пространство и время; наличие некой точки отсчета, присутствие наблюдателя; а значит, принималась во внимание его позиция в пространстве и времени. Сформировалось и такое направление в исследовании дейктических единиц, в рамках которого изучался «дейксис текста». Рассматривались следующие вопросы: корреляция дейксиса с категориями связности и цельности текста с позиции наблюдателя в пространстве и времени (Shapiro 1991); роль дейктических единиц в интерпретации текста читателем (Riccobono 1996); отношения между текстом и реципиентом (Waszink 1988). Современные лингвисты все активнее обращаются в своих работах к проблемам моделирования языковыми средствами текста художественного произведения. В работах Н. А. Сребрянской, С. А. Пушминой, О. Г. Мельник предметом изучения

становится «текстовая проекция дейксиса». (Сребрянская 2005; Пушмина 2013; Мельник 2016).

Итак, под дейксисом в нашей работе, вслед за Д. Лайонзом, будет пониматься «локация и идентификация лиц, предметов, событий, процессов и действий, о которых говорят или к которым отсылают относительно пространственно-временного контекста, создаваемого и поддерживаемого актом высказывания и участием в нем, как правило, одного говорящего и, по крайней мере, одного адресата» (Лайонз 1978: 539).

Как отмечает Н. А. Сребрянская, «дейксис проецируется на художественный текст через универсальные смыслы человек, пространство, время; через точку зрения наблюдателя, имеющего определенную позицию в пространстве и во времени; через оппозицию близко — далеко по отношению к тексту со стороны наблюдателя; через сфокусированное значение антропоцентризма в тексте, через участие в создании хронотопа и пр.» (Сребрянская 2005: 24).

2. Характеристика материала и методов исследования

В комплексную методику, которая использовалась в настоящем исследовании, вошли такие методы анализа художественного текста, как интерпретационный, интертекстуальный и сравнительно-сопоставительный (сопоставительный анализ перевода или переводов с оригиналом, самих переводов друг с другом), а также дискурсивный анализ. Фактическим материалом для исследования послужили два варианта перевода текста стихотворения Г. Д' Аннунцио *La pioggia nel pineto*: перевод А. Евдокимова и перевод, выполненный автором статьи и G. Belussi.

Итак, рассмотрим интерпретацию дейктических единиц в двух переводческих рецепциях стихотворения Г. Д' Аннунцио:

La pioggia nel pineto	Дождь в сосновом лесу	Дождь в бору
Taci. Su le soglie del bosco non odo parole che dici umane; ma odo parole più nuove che parlano gocciole e foglie lontane.	<i>Тише. На поляных лесных я не слышу слов твоих человеческих. Я слышу, как капли и листья шепчут слова на странных наречьях.</i>	<i>Помолчи. У края леса не слышу слов человеческих, что произносишь; но слышу новее слова, что говорят далекие листья и капли дождя.</i>
Ascolta. Piove dalle nuvole sparse. Piove su le tamerici salmastre ed arse, piove su i pini scagliosi ed irti,	<i>Послушай. Литься продолжают капли по веткам провисшим, тяжелым лапам, по чешуйкам сосновым, колючим кронам,</i>	<i>Послушай. Дождит из рассеянных туч. Дождит на тамариски, солоноватые и жжженные, дождит на сосны, колючие и шершавые,</i>

La pioggia nel pineto	Дождь в сосновом лесу	Дождь в бору
<p>piove su i mirti divini, su le ginestre fulgenti di fiori accolti, su i ginepri folti di coccole aulenti, piove su i nostri volti silvani, piove su le nostre mani ignude, su i nostri vestimenti leggieri, su i freschi pensieri che l'anima schiude novella, su la favola bella che ieri t'illuse, che oggi c'illude, o Ermione.</p>	<p><i>листам зеленым лавровым, по мокрым кистям и листьям дрока, по цветам с душистым тягучим соком, по нашим одиноким лицам вода струится, по ткани, по легким чистым одеждам и по неожиданным надеждам. И дождь станет лаской, волшебной сказкой, что прежде тебя манила, меня так ма- нит, о Эрмиона.</i></p>	<p><i>дождит на священные мирты, на сияющий дрок, приютивший цветы, на можжевельник, полный душистых ягод, дождит на наши лица лесные, дождит на наши руки нагие, на наши одежды невесомые, на свежие мысли, что душа обновленная открывает, на прекрасную сказку, что вчера обманула тебя. что сегодня обманывает нас, о, Эрмионе.</i></p>
<p>Odi? La pioggia cade su la solitaria verdura con un crepitio che dura e varia nell'aria secondo le fronde più rade, men rade.</p>	<p><i>Ты слышишь? Колышет дождь печальные ветки — частые, редкие, — меня звучание на кистях и листьях — звонче, тише...</i></p>	<p><i>Слышишь? Падает дождь на зелень с шурианьем, что длится и меняется в воздухе согласно тому, густы ли, редки ли ветки.</i></p>
<p>Ascolta. Risponde al pianto il canto delle cicale. E il pino ha un suono, e il mirto altro suono, e il ginepro altro ancóra, stromenti diversi sotto innumerevoli dita. E immersi noi siam nello spirto silvestre, d'arborea vita viventi; e il tuo volto ebro è molle di pioggia come una foglia, e le tue chiome</p>	<p><i>Послушай. Так близко вторят хором дождю ци- кады, словно им не преграда нависшее низко небо и тучи. И звучны песни сосен и мирта и говор дрока, словно пальцами дождик к струнам прикасается странным. И в юном лесном мире лишь двое на поляне в роще, и лицо твое строго и вдохновенно, кудрей сплетенья</i></p>	<p><i>Послушай. Отзывается плачем пенье цикад. И у сосны есть свой звук, и у мирта есть звук, но другой, и у можжевельника. Есть и еще один — это звучат инструменты разные под пальцами бесчислен- ными. И погружены мы, лесною жизнью живу- щие, в дух лесной, и твое лицо, ликующее, мягче дождя, словно лист, и волосы твои</i></p>

La pioggia nel pineto	Дождь в сосновом лесу	Дождь в бору
<p>auliscono come le chiare ginestre, o creatura terrestre che hai nome Ermione.</p>	<p><i>пахнут неуловимо цветами жасмина и резедою, о созданье земное, чье имя Эрмиона.</i></p>	<p><i>пахучи, словно светлая душица, о земное создание, с именем Эрмионе.</i></p>
<p>Ascolta, ascolta. L'accordo delle aeree cicale a poco a poco più sordo si fa sotto il pianto che cresce; ma un canto vi si mesce più roco che di laggiù sale, dall'umida ombra remota. Più sordo e più fioco s'allenta, si spegne. Sola una nota ancor trema, si spegne, risorge, trema, si spegne. Non s'ode voce del mare. Or s'ode su tutta la fronda crosciare l'argentea pioggia che monda, il croscio che varia secondo la fronda più folta, men folta. Ascolta. La figlia dell'aria è muta; ma la figlia del limo lontana, la rana, canta nell'ombra più fonda, chi sa dove, chi sa dove! E piove su le tue ciglia, Ermione.</p>	<p><i>Слушай, слушай. Летучих цикад стрекотанье все глуше, и тучи все звонче плачут. Тени прячут в сплетеньи ветвей набухших, как тайну, трескучий отзвук далекий. Слушай, звук гаснет. Лишь влажный воздух задержит эхо. Звук гаснет. И снова дрожит. И гаснет. Шума моря не слышно за шумом капель. Листья колышет дождь серебри- стый, звенит по лужам, стучит торопливо по иглам смолистым — звонче, глуше, — послушай. Молчалива дочь неба птица; в глуши тенистой за корягой заговорила дочь ила. И влага на твоих ресницах, Эрмиона.</i></p>	<p><i>Послушай, послушай. Аккорд воздушных цикад мало-помалу становится тише под плач, что усиливается; но пенье влетается во что-то более хрипкое, что поднимается оттуда, из влажной далекой тени. Более глухое и тусклое стихает, тает. Только одна нота все дрожит, замирает, снова воскресает и опять угасает. Не слышно голоса моря. Слышно, как по всем ветвям звенит серебряный дождь, что очищает, звук, что меняется от того, толще или плотнее ветвь. Послушай. Дочь воздуха теперь нема; но лягушка, далекая дочь тины, поет в самой глубокой тени, кто знает, кто знает где! И дождит на твои ресницы, Эрмионе.</i></p>
<p>Piove su le tue ciglia nere sìche par tu pianga ma di piacere; non bianca ma quasi fatta virente, par da scorza tu esca. E tutta la vita è in noi fresca</p>	<p><i>Дождинки на черных ресни- цах, кажется, что ты плачешь, и на наши лица иначе упала тени зелень, словно с лесом нас породнила. И сок жизни в жилах хмелен,</i></p>	<p><i>Дождит на черные твои ресницы, словно плачешь ты, но от удовольствия; ты уже не белая, но почти зеленеющая, точно из коры выходящая.</i></p>

La pioggia nel pineto	Дождь в сосновом лесу	Дождь в бору
<p>aulente, il cuor nel petto è come pesca intatta, tra le pàlpebre gli occhi son come polle tra l'erbe, i denti negli alvèoli con come mandorle acerbe. E andiam di fratta in fratta, or congiunti or disciolti e il verde vigor rude ci allaccia i mallèoli c'intrica i ginocchi chi sa dove, chi sa dove! E piove su i nostri vólti silvani, piove su le nostre mani ignude, su i nostri vestimenti leggieri, su i freschi pensieri che l'anima schiude novella, su la favola bella che ieri m'illuse, che oggi t'illude, o Ermione.</p>	<p><i>и сердце плодом застыло сладким, и кажутся родниками два глаза черных, и зубы в деснах — миндаль- ные зерна, и мы идем без оглядки, и нам на поляне оплетают ноги травы стеблями, мочат влагой росной, и мы идем куда-то, куда же?! По нашим одиноким лицам вода струится, по ткани, по легким чистым одеждам и по неожиданным надеждам; и дождь станет лаской, волшебной сказкой, что прежде меня манила, тебя так манит, о Эрмиона.</i></p>	<p><i>И вся жизнь в нас свежа, благоуханна; сердце в груди как персик, нетронутый, живой, глаза меж веками как родники в травах, зубы в деснах, как неспелый миндаль. Мы идем от чащи к чаще, то обнявшись, то порознь, но зеленая сила сурова, и связаны мы по лодыжки, путает она нам колени; куда — кто знает, кто знает! Дождит на наши лица лесные, дождит на наши руки нагие, на наши одежды невесомые, на свежие мысли, что душа обновленная открывает, на прекрасную сказку, что вчера обманула меня, что сегодня обманывает тебя, о Эрмионе.</i></p>
<p><i>Gabriele D'Annunzio (1863– 1938)</i> https://www.tania-soleil.com/gabriele-dannunzio-la-pioggia-nel-pineto/</p>	<p><i>Перевод А. Евдокимова</i> https://www.tania-soleil.com/gabriele-dannunzio-la-pioggia-nel-pineto/</p>	<p><i>Перевод О. Б. Трубиной и G. Belussi</i></p>

3. Результаты исследования и их обсуждение

3.1. Личный (персональный) дейксис

Будем исходить из того факта, что при обращении к тексту стихотворения у переводчика и читателя существуют лишь общее представление о речевой ситуации, об участниках общения. Как известно, понятие говорящего в неканонических коммуникативных ситуациях, в нарративном тексте, условно.

При этом важным фактом можно считать отсутствие в тексте стихотворения мены коммуникативных ролей, что обусловлено тем фактом, что режим речи — «условный монолог». Интересно, что в стихотворении Д'Аннунцио лирический герой не обращается к Эрмионе с признанием в любви, открыто не говорит ей о своих чувствах, но они опосредованно описаны через «отсылку» к пейзажу, нарисованному поэтом. В тексте стихотворения, который начинается с обращения лирического героя к Эрмионе, представлен диалог, который ведет дождь с лирическим героем и Эрмионе, и диалог («диалог в диалоге») дождя с природой («зеленым миром», частью которого постепенно становятся и лирический герой, и его возлюбленная). Это вполне соответствует идее пантеизма, близкой поэту. Лирический герой обращается к Эрмионе — мифическому существу, под этим именем скрывается женщина, с которой у поэта в то время был роман, — Элеонора Дузе; поэт придает этой личной истории черты красивого мифа.

Эрмионе безмолвна, лирический герой в первой и последней строфе прямо обращается к ней, но во всем тексте есть лишь несколько слов, которые адресованы любимой: *taci — ascolta — odi*.

Для адекватной переводческой рецепции дейктических слов и речевых актов (далее — РА), в которые они включены, важно верно интерпретировать их референтную соотнесенность и тип речевого акта, в котором использованы эти языковые единицы. В оригинальном тексте (в начале первой строфы) есть прямой призыв лирического героя к Эрмионе, который выражает просьбу молчать и слушать; но не его, а третье лицо (или третьих лиц) — некий «зеленый мир». Такой призыв может быть выражен как прямым, так и косвенным речевым актом, например, в русском языке — косвенным РА: *тише*.

В своем переводе А. Евдокимов использовал слово *тише*. Такой же вариант перевода представлен в другой переводческой рецепции этого стихотворения: ...*Тише. На лесных полянах / я не слышу слов твоих. / Капли, листья шепчут пьяно непонятный новый стих...* (перевод Сержа Конфона 2, в статье не даем его полностью; <https://stihi.ru/2018/03/31/5686>).

В словаре синонимов Н. Абрамова слово *тише* дается как синоним к слову *молчать* (Абрамов 1999). То есть вполне оправданна такая переводческая рецепция этого РА — *Тише*. Такой вариант перевода вполне возможен, но с некоторой «потерей смысла».

В нашем переводе данный РА транслируется инфинитивной формой — *помолчи*, автор оригинального текста использовал именно императивную форму. В итальянском языке глагол *tacere* имеет следующее значения: *tacére ... A neperex. [intr.] I (non parlare) молчáть / помолчáть, не говорíть • tacére per la vergógna — молчáть от стыдá...* (Kovalev 2007).

В толковом словаре русского языка слово *молчать* описано следующим образом: *МОЛЧАТЬ*, -чу, -чишь; нсв. 1. *Ничего не говорить, не издавать звуков голосом (о человеке, животном)...* (Кузнецов 2004).

Важно, что в оригинальном тексте высказывания с глаголами речи (*taci — ascolta — odi*) императивны, что придает просьбе лирического героя некоторую категоричность, которая отчасти нейтрализуется в переводческой рецепции формой совершенного вида, подчеркнутая категоричность, на наш взгляд, неуместна, так как лирический герой с просьбой-призывом обращается к любимой женщине. При этом слово *ascolta* повторяется несколько раз, что усиливает перлокутивный эффект призыва.

Лирический герой включен в диалог не только с Эрмионе, он как безответный слушатель участвует в «метафорическом» диалоге, который ведет с ним /с ними «зеленый мир». Факт существования такого второго диалога подтверждается использованием в тексте глаголов речи (например, *parlare —* буквально: *говорить*; *rispondere —* буквально: *ответить*).

Как известно, особую роль в личном (персональном) дейксисе играют личные местоимения. Важно подчеркнуть следующее: при эмфатическом использовании местоимения передают высказыванию имплицитную дополнительную информацию, она может быть детерминирована и конкретным контекстом, и общим фондом знаний читателя. Таким образом, смысл высказывания при этом складывается из двух компонентов: основного, очевидного, и дополнительного — интерпретации читателем / переводчиком.

И. И. Ковтунова говорит об адресной речи в поэзии, в которой лирическое «я» говорящего включено в своеобразный игровой диалог с теми фрагментами реальной действительности, которые по замыслу автора имеют особую значимость (Ковтунова 1986: 4).

Итак, рассмотрим использование личных местоимений в оригинальном и переводных текстах. Личные местоимение *я (io)*, *мы (noi)*, как известно, прямо соотносятся с говорящим/говорящими и / или с миром говорящего / говорящих; личное местоимение *ты (tu)* — со слушающим лицом, миром слушающего лица или любым лицом.

В тексте стихотворения личное местоимение второго лица *ты* и притяжательное местоимение *твой* имеют определенную идентифицирующую референцию: *ты* — Эрмионе и *твой* — принадлежащий / относящийся к Эрмионе (например, *твои ресницы, твое лицо, твои волосы*).

Референция личного местоимения первого лица *мы (noi)* и притяжательного местоимения *наш (nostro)* менее определена с точки зрения переводческой интерпретации. Местоимение *noi (мы)* может иметь значение (1) *говорящий (лирический герой) и Эрмионе*, но может иметь значение (2) *говорящий*

(лирический герой), Эрмионе и окружающий их «зеленый мир» (природа). Притяжательное местоимение *nostro / nostri* (наш / наши), соответственно, (1) принадлежащий говорящему (лирическому герою) и Эрмионе, (2) принадлежащий говорящему (лирическому герою), Эрмионе и окружающему их «зеленому миру» (природе).

Так, во фразах ...*E piove su i nostri vólti / silvani, / piove su le nostre mani / ignude, / su i nostri vestimenti / leggieri* — ...Дождит на **наши** лица / лесные, / дождит на **наши** руки / нагие, / на **наши** одежды / невесомые...; *E immerse / noi siam nello spirto / silvestre* — мы, лесною жизнью живущие... реализовано второе значение местоимения. И в таком случае вариант перевода *И в юном лесном мире / лишь двое / на поляне в роще*... (перевод А. Евдокимова), на наш взгляд, является спорным.

Как известно, личный дейксис характеризуется изменчивостью, связанной с меной коммуникативных ролей «говорящий — адресат»; но отметим, это важно и для переводческой, и для читательской интерпретации, изменчивость значения дейктиков может быть обусловлена интенцией автора; именно дейктики могут формировать дополнительный смысл высказывания. Заметим, что композиция текста четко коррелирует со значением дейктиков. Так, в первой и последней строфах стихотворения лирический герой ведет диалог с любимой, в других — его собеседник не только Эрмионе. Кроме того, изменчивость референтного значения единиц персонального дейксиса связана с координатами «я — здесь — сейчас» и «я — там — тогда»: и лирический герой, и его любимая, сливаясь с «зеленым миром», становятся частью этого мира, что «меняет» и значение дейктических единиц: *ты уже не белая, но почти зеленеющая, / точно из коры выходящая*... Таким образом, *ты* — это не только Эрмионе, *ты* — это Эрмионе и сопутствующий ей «зеленый мир».

3.2. Пространственный дейксис

В тексте стихотворения *La pioggia nel pineto* автор нарисовал импрессионистический пейзаж, сложный по своей структуре. В нем реалистично изображена природа Тосканы, но при этом воссоздан некий воображаемый «зеленый мир», соответствующий античному (мифологическому) представлению о природе; в стихотворном тексте реальный мир постепенно трансформируется в таинственный «зеленый мир», но между этими двумя мирами существует четкая граница. В первой строфе автор использует выражение *su le soglie / del bosco* (буквально: на пороге / предверье / границе / краю / рубеже (леса)), в котором изначально обозначает границу между этими мирами, используя слово *le soglie*. А. Евдокимов в своем переводе этой части фразы обращается к слову *поляна*, но в его значении нет семы, которая передавала бы важный элемент смысла высказывания. В нашем варианте перевода использовалось слово *край*

(леса): *КРАЙ*, *края(-ю)*, ... м. 1. *Предельная линия, ограничивающая поверхность или протяжённость чего-л.; прилегающая к ней часть этой поверхности* (Кузнецов 2004). На наш взгляд, именно дейктические элементы, употребленные в этом тексте, подчеркивают идею множественности миров.

3.3. Временной дейксис

В тексте стихотворения есть прямое указание на время: *la favola bella / che ieri / t'illuse, che oggi m'illude* (1-я строфа.) и *la favola bella / che ieri m'illuse, che oggi t'illude* (4-я строфа). Выделены два временных плана: *вчера* (*ieri*) и *сегодня* (*oggi*). При этом в тексте стихотворения изменяется время глагола (*illudere*); употребление наречия времени, грамматически избыточное, подчеркивает такое «перетекание времени»: образ из прошлого — любимая женщина (Эрмионе) — становится частью настоящего, а лирический герой — персонаж из настоящего — погружается в прошлое, важную роль в отображении этого процесса играют дейктические единицы. На наш взгляд, оптимальным переводческим решением является буквальный перевод, который адекватно передает противопоставление *вчера* — *сегодня*.

4. Заключение

1. В художественном тексте, в неканонической коммуникации, референтное значение дейктических единиц может меняться и без формальной смены коммуникативных ролей, это важно отразить в переводческой рецепции. Обычно принято считать, что в художественном тексте субъектом может быть не говорящий, а другое лицо или лица; на наш взгляд, столь же сложной может быть интерпретация слушающего / слушающих.

2. Референтное значение дейктиков в тексте стихотворения может быть интерпретировано, безусловно, только при обращении к контексту, но он должен пониматься расширенно с учетом особенностей художественного текста.

3. В тексте стихотворения для передачи «авторских смыслов» активно используются дейктические единицы, в первую очередь единицы, относящиеся к личному дейксису. Именно они отражают все особенности неканонической коммуникативной ситуации и помогают читателю адекватно интерпретировать «авторские смыслы», в переводческой рецепции ошибочная интерпретация референтного значения дейктических единиц в оригинальном тексте искажает смысл авторского высказывания.

4. Дейктические языковые элементы, относящиеся к пространственно-временному дейксису, формируют сложный хронотоп художественного текста, подчеркивают единство и противоположность реального и мифологического элементов хронотопа.

Список литературы / References

- Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. 1986. № 28. С. 5–33. [Apresyanyan, Yuriy D. (1986) Dejksis v leksike i grammatike i naivnaya model' mira (Deixis in Vocabulary and Grammar and a Naive Model of the World). *Semiotics and Informatics*, 28, 5–33. (In Russian)].
- Бюлер К. Теория языка. М.: Прогресс, 1993. [Byuler, Karl. L. (1993) *Teoriya yazyka* (Theory of Language). Moscow: Progress. (In Russian)].
- Дымарский М. Я. Это / N 1 V f : к понятию речевой синтаксической модели // Язык в движении: к 70-летию Л. П. Крысина. М.: Языки славянской культуры, 2007. С. 159–171. [Dymarskiy, Mihail Ya. (2007) Eto / N 1 V f : k ponyatiyu rechevoj sintaksicheskoy modeli (Eto / N 1 V f : to the Concept of a Speech Syntactic Model). In *Yazyk v dvizhenii: k 70-letiyu L. P. Krysin* (Language in Motion: on the Occasion of 70th Anniversary of L. P. Krysin). Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 159–171. (In Russian)].
- Кирвалидзе Н. Г. Дейктические средства в системе современного английского языка и их роль в организации текста: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1991. [Kirvalidze, Nino G. (1991) *Dejkticheskie sredstva v sisteme sovremennogo anglijskogo yazyka i ikh rol' v organizacii teksta: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* (Deictic Means in the System of Modern English and Their Role in Text Organization: Extended Abstract of PhD (Advanced) Thesis in Philology). Moscow. (In Russian)].
- Ковтунова И. И. Поэтическая речь как форма коммуникации // Вопросы языкознания. 1986. № 1. С. 3–13. [Kovtunova, Irina. I. (1986) Poeticheskaya rech' kak forma kommunikacii (Poetic Speech as a Form of Communication). *Voprosy yazykoznanija*, 1, 3–13. (In Russian)].
- Лайонз Д. Введение в теоретическую лингвистику. М.: Прогресс, 1978. [Lajonz, John. (1978) *Vvedenie v teoreticheskuyu lingvistiku* (Introduction to Theoretical Linguistics). Moscow: Progress. (In Russian)].
- Мельник О. Г. Дейктические проекции в тексте (на примере повести Дж. Стейнбека «Жемчужина») // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 1. С. 6–19. [Melnik, Olga G. (2016) Dejkticheskie proekcii v tekste (na primere povesti Dzh. Stejnbeka «Zhemchuzhina») (Deictic Projections in the Text (On the Example of J. Steinbeck's Story "Pearl")). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 1, 6–19. (In Russian)].
- Пушмина С. А. Текстовый дейксис в художественном произведении: семейный роман // Вестник Тюменского государственного университета. 2013. № 1. С. 61–68. [Pushmina, Sofya A. (2013) Tekstovyj dejksis v khudozhestvennom proizvedenii: semejnuy roman (Textual Deixis in a Work of Fiction: a Family Romance). *Tyumen State University Herald*, 1, 61–68. (In Russian)].
- Падучева Е. В. Эгоцентрические единицы языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. [Paducheva, Elena V. (2018) *Egocentricheskie edinicy yazyka* (Egocentric Units of Language). Moscow: Izdatel'skiy Dom YaSK. (In Russian)].
- Сребрянская Н. А. Статус дейктических проекций в художественном тексте // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 1. С. 24–27. [Srebryanskaya, Nina. A. (2005) Status deykticheskikh proektsiy v khudozhestvennom tekste (Status of Deictic Projections in

- an Artistic Text). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 1, 24–27. (In Russian)].
- Стернин И. А. К проблеме дейктических функций слова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973. [Sternin, Iosif A. (1973) *K probleme dejkticheskix funkcij slova: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* (On the Problem of Deictic Functions of the Word: Extended Abstract of PhD (Advanced) Thesis in Philology). Moscow. (In Russian)].
- Шмелев А. Д. Референциальные механизмы русского языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1995. [Shmelev, Aleksej D. (1995) *Referencial'nye mekhanizmy russkogo yazyka: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* (Referential mechanisms of the Russian Language: Extended Abstract of PhD (Advanced) Thesis in Philology). Moscow. (In Russian)].
- Устин А. К. Текстобразовательный дейксис. СПб.: SuperMax, 1995. [Ustin, Anatolij K. (1995) *Tekstoobrazovatel'nyj dejksis* (Text-forming Deixis). Saint Petersburg: SuperMax. (In Russian)].
- Fillmore, Charles J. (1975) *Santa Cruz Lectures on Deixis*. Bloomington: Indiana Univ. Linguistics Club. Press.
- Riccobono, Rosella. (1996) Deixis and the Dynamics of the Relationship Between Text and Reader in the Poetry of Eugenio Montale. *Edinburgh Working Papers in Applied Linguistics*, 7, 100–111.
- Shapiro, Stuart C. (1991) Models and Minds: Knowledge Representation for Natural-Language Competence. In Cummins, Robert., & Pollock, John. (ed.) *Philosophy and AI: Essays at the Interface*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 215–261.
- Waszink, Paul M. (1988) *'Such Things Happen in World': Deixis in Three Short Stories by N.V.Gogol'*. Amsterdam: Rodopi.

Словари / Dictionaries

- Абрамов (Переферкович) Н. А. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений: около 5000 синонимических рядов, более 20 000 синонимов. 8-е изд., стер. М.: Русские словари [и др.], 2008. [Abramov (Pereferkovich), Nikolaj A. (2008) *Slovar' russkikh sinonimov i sxodnykh po smyslu vyrazhenij: okolo 5000 sinonimicheskix ryadov, bolee 20 000 sinonimov. 8-e izd., ster.* (Dictionary of Russian Synonyms and Similar in Meaning Expressions: circa 5,000 Synonymical Rows, over 20,000 Synonyms. 8th ed., ster.). Moscow: Russkie slovari [i dr.]. (In Russian)].
- Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2004. [Kuznecov, Sergej.A. (2004) *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* (A Big Explanatory Dictionary of the Russian Language). Saint Petersburg: Norint. (In Russian)].
- Kovalev, Vladimir. (2007) *Dizionario russo – italiano, italiano – russo*. 6 ed. Bologna: Zanichelli. (In Italian and Russian).